

A man with a beard and a woman with blonde hair are shown from the chest up, looking out a window at a city skyline. The man is on the left, wearing a white shirt and a dark tie. The woman is on the right, wearing a white dress and large pearl earrings. The background is a warm, golden-hour cityscape with the Empire State Building visible.

РАЗВОД

МЫ БОЛЬШЕ НЕ ТВОИ

Two young children are sitting on a bed. The boy on the left is wearing a white shirt, a dark bow tie, and striped overalls. The girl on the right is wearing a white lace dress, a pearl necklace, and a headband. They are both looking at each other.

МИЛА ГЕЙБАТОВА

Мила Гейбатова

Развод. Мы больше не твои

«Автор»

2023

Гейбатова М.

Развод. Мы больше не твои / М. Гейбатова — «Автор», 2023

У меня была идеальная жизнь. Любящий муж, двое долгожданных детей, обустроенный дом. Реальность омрачали лишь долгие командировки Глеба. Но мои розовые очки разбились в одночасье, когда вместо подарка на день рождения детей я получила доказательство измен супруга...

© Гейбатова М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мила Гейбатова

Развод. Мы больше не твои

Глава 1

Сегодняшнее утро началось, как и предыдущие триста шестьдесят штук. Резко, сумбурно и в режиме «не успеваю нормально поесть». Честное слово, когда дети пойдут в садик, я буду минимум неделю сидеть у окна, пить кофе и медитировать, наслаждаясь видом.

Но до этого славного момента еще примерно от трехсот шестидесяти до семисот двадцати загруженных будней мамы, у которой сразу двое маленьких детей, а любимый супруг в постоянных разъездах, зарабатывает на нашу счастливую жизнь.

– Ай, – вздрагиваю от неожиданности, ощутив нечто липкое у себя на лбу, – ты зачем маму кашей запустила? Если у вас с братом сегодня первый день рождения, это не значит, что нужно вести себя так, как вам заблагорассудится!

Дочь на мое замечание лишь задорно смеется, заставляя и меня сменить гнев на милость. С маленькими детьми не может быть по-другому.

Заканчиваю наш завтрак, попутно прибираю кухню и жду свекровь. Сегодня у нас знаменательный день, год назад на свет появились мои крошки, и к нам в гости придут родственники. Мать мужа милостиво вызвалась посидеть с двойняшками, пока я буду готовиться к празднику. Не знаю, что бы я без нее делала, ведь другой бабушки у нас нет.

У меня есть лишь двоюродная тетка, но она в двух тысячах километрах отсюда. И виделись мы с ней в последний раз, когда я осталась одна. Потом завертелась семейная жизнь, работа, и ни я, ни она так и не смогли ни разу выкроить время поехать за две тысячи километров. Да и желания, видимо, не было. Отношения у нас с теткой всегда были натянутыми.

Но не буду предаваться грустным воспоминаниям. У меня сегодня праздник. И наконец–то мой дорогой, мой Глебушка, вернется домой.

Вытаскиваю телефон, там сообщения от кондитера, аниматоров и фотографа. От Глеба ничего нет.

Он наверняка просто торопится к нам, не стал тратить время на звонки и сообщения. Да и зачем, если мы скоро увидимся, верно?

Согласовываю вопросы по телефону и выбегаю на улицу, увидев из окна свекровь.

– Анна Николаевна, вы пришли, – радостно приветствую женщину. – Давайте помогу с пакетами.

– Конечно, я пришла, Ольга, день рождение моих единственных внуков, я не могла его пропустить, – свекровь скидывает плащ мне в руки, разувается и проходит внутрь. – Ты все–таки повесила эти дурацкие рюши, я ведь дарила вам отличную серую тюль, она бы идеально гармонировала со стенами.

– Я не могу находиться в серой гостиной, она для меня обезличенная, мне нужно яркое пятно, говорящее, что здесь есть жизнь. Когда Глеб вернется, предложу ему перекрасить стены.

– Вот и зря, у моего сына отличный вкус, тебе надо у него поучиться, Оленька, – снисходительно произносит Анна Николаевна. – Ладно, где мои любимые внуки.

– Идемте, – отвечаю с улыбкой, не продолжая наш вечный спор про убранство дома.

Дети рады видеть бабушку, она из–за своей занятости нечастый гость в нашем доме. У нас, в принципе, нет частых гостей, все наше окружение занятые личности, одна я «просиживаю штаны» в декрете. Но я ни на кого не в обиде, я считаю, что мне повезло, и все у меня в жизни складывается отлично.

Выбегаю на улицу и торопливо сажусь в машину. Еще столько дел, мне хочется устроить идеальный праздник для крошек, и неважно, что останется он лишь в моей памяти. Детки потом будут смотреть фотографии, и им наверняка будет интересно.

Снова бросаю взгляд на телефон, но там нет ничего нового.

Думаю, какого черта, и набираю Глебу сама. Он должен быть в пути, если что, не возьмет трубку и поругается дома, что отвлекала от дороги. Он вообще не любит, когда я звоню, а он занят. И в этот раз в трубке раздаются долгие гудки.

С досадой откидываю телефон на пассажирское сидение и сосредотачиваюсь на насущном. Глеб приедет, никуда не денется, он обещал.

Через несколько часов возвращаюсь домой с кучей пакетов из кулинарии и, конечно, тортом мечты. И снова звоню супругу. Ему бы пора уже появиться, гости скоро придут, и я начинаю волноваться, не случилось ли чего в пути. Но снова меня постигает неудача. Более того, длинные гудки в конце переключаются на автоответчик, и с этих пор при следующих звонках автоответчик у Глеба срабатывает сразу.

– Анна Николаевна, вы с Глебом сегодня созванивались? – спрашиваю обеспокоенно, заходя в гостиную.

Поправляю платье и надеваю свои любимые длинные серьги, которые Глеб подарил мне на нашу первую годовщину. В декрете нет повода их надевать, и сегодня я принаряжаюсь по полной.

– Вырез у платишка не слишком ли открытый, Оленька? Не заболеешь? – заботливо интересуется свекровь. – А сережки хороши. Я помню, Глебушка советовался со мной, понравятся ли тебе. И да, он звонил утром, говорил про какой-то сюрприз для детей, а потом связь прервалась.

– А, ясно, – киваю, – ну, хорошо.

Мне немного обидно, что Глеб набрал матери, а я не получила даже сообщение, но я быстро одергиваю себя. Она ведь сказала, что связь прервалась, звонок наверняка был коротким, Глеб был в пути, и он знал, что Анна Николаевна придет к нам сегодня и все мне расскажет.

Вскоре начинают собираться гости. Приезжает свекор, тетя и дядя Глеба, его двоюродная сестра с мужем. Из пар с детьми только наши с Глебом друзья по институту. Я рада, что Толик с Машей смогли прийти, иначе аниматоры были бы практически бессмысленны.

– Дорогая, как же здорово ты все устроила, и я так рада, что мы наконец-то собрались, – подходит ко мне Маша после окончания развлекательной программы для детей. – А где Глеб? Мне казалось, у него заканчивается очередная командировка.

– Так и есть, – с трудом выдавливаю из себя вымученную улыбку, вопрос подруги затронул во мне новую волну беспокойства за мужа, – было, по крайней мере. Я уже и не знаю, что думать.

– О, не стоит, я уверена, все с ним нормально! Он, кажется, писал что-то Толику с утра по работе, – беззаботно отзывается Маша.

И другу он писал, а родной жене, родившей ему двух долгожданных детей, ни строчки не отправил.

Мое настроение портится окончательно, и появляется стойкое желание разогнать всех гостей по домам, все равно дети уже получили впечатлений на месяц вперед, и я понятия не имею, как буду укладывать их спать после сильного перевозбуждения.

Но тут на подъездной дорожке у дома появляется машина с надписью курьерской службы.

– Это, наверное, сюрприз от Глебушки, – комментирует свекровь, которая тоже заметила автомобиль.

– Я схожу, – коротко отвечаю, оставляя гостей в доме.

– Я помогу тебе, Оленька, – отзывается Анна Николаевна, – зная моего Глебушку, ты одна не справишься.

Мы вместе выходим за ворота, я быстро расписываюсь на листке курьера, и он вручает нам два больших запакowanych подарка.

– Надо было Михаила Юрьевича позвать, – растерянно бормочу, смотря на все это великолепие и думая лишь о том, где сам Глеб, почему курьер, а не он, привез детям подарки.

Во мне еще теплится надежда на то, что подарки слишком большие, ведь в личный автомобиль они с трудом влезут, и Глеб посчитал, что успеет приехать и вручить все лично. Но после двух больших коробок курьер дает мне огромный букет белых роз.

– Это тоже вам, – произносит парень, подмигивая, – с праздником!

– Ага, спасибо, – бормочу, на автомате утыкаясь носом в цветы.

Они пахнут восхитительно, и я обожаю белые розы, но я хочу увидеть своего мужа, а не цветы.

К букету приколот конверт. Дрожащими руками снимаю его, перехватывая цветы левой рукой. Внутри находится листок с посланием от Глеба.

«Лучшей женщине на свете, подарившей мне двух замечательных детей. Прошу, прости, что не успел приехать. Когда вернусь, ты поймешь, почему я остался. После этой командировки наша жизнь развернется на сто восемьдесят градусов. Всегда твой Глеб».

Дочитываю написанное и с трудом тут же не выкидываю бумагу на газон. Обида на мужа застилает мой разум.

– Олечка, какие красивые цветы, – раздается сзади голос Анны Николаевны, – ну же, иди к нам, поставишь их в вазу и еще полюбишься. Пора резать торт.

– Да, вы правы, – отвечаю чуть сдавленным голосом, проглатывая ком в горле и так и не позволяю слезам пролиться. – Нужно дать торт детям, а то они уже устали.

Возвращаюсь в дом, быстро взбегаю на второй этаж и кладу букет на кровать в нашей с Глебом спальне. Хотя правильнее будет ее называть моей личной спальней, ведь муж в ней нечастый гость.

Собираюсь уже вернуться к гостям, чтобы добить праздник, нет сил и желания заниматься цветами, а дети не виноваты, что мама устала, они должны получить сегодня все, но из букета выпадает еще один конверт. Он из более плотной бумаги, ярко-розового цвета. Даже странно, что я его сразу не заметила.

Затаив дыхание, поднимаю конверт, мое сердце при этом колотится как заполошное. Вроде разумом я понимаю, что бояться нечего, ведь это прислал Глеб, но в душе мне очень страшно.

Наконец–то открываю конверт, из–за трясущихся пальцев его содержимое вываливается прямо на пол. Это не еще одно послание. Это фотографии. Много фотографий. И все они с Глебом.

Вот только он на них не один.

Глава 2

Моргаю несколько раз, но увиденное не исчезает. Истинный смысл фотографий медленно доходит до моего сознания. Осторожно провожу по ярким картинкам пальцами, словно если я их потрогаю, что-то изменится, не знаю, девица внезапно исчезнет или хотя бы окажется более одетой?

Но, конечно, ничего такого не происходит. Магии в нашем мире нет, есть только голые факты. И они в данный момент беспощадно бьют по моей психике.

Мой мозг генерирует отвлеченные мысли, не давая скатиться в истерику. Например, то, что девушка на фотографии красивая, я произнесла про себя уже раз десять, наверное. А еще она блондинка. Глебу всегда нравились блондинки, уж я-то знаю, лет десять как дополнительно обесцвечиваю свои русые волосы.

– Оленька, где же ты? Вазу никак не найдешь для Глебушкиного подарка? Мы торт достали, – доносится до меня голос свекрови.

Она уже близко, вот-вот войдет в спальню, и эта мысль отрезвляет меня.

Быстро поднимаюсь на ноги и заталкиваю ненавистные фотографии под кровать. Едва успеваю, как Анна Николаевна открывает дверь и с любопытством осматривается.

– Я иду. С цветами ничего страшного не случится, – отрывисто произношу и делаю шаг вперед.

– Нет-нет, ни в коем случае! – восклицает мать Глеба. – Я сама их поставлю, помогу тебе.

Она бесцеремонно заходит внутрь и берет букет с кровати, разглаживая складочки на покрывале. Потом ее цепкий взгляд падает на ярко-выкрашенный подоконник, то самое необходимое мне пятно среди общего безликого интерьера.

Анна Николаевна недовольно поджимает губы и уже собирается что-то сказать, но я не в состоянии слушать ее наравоучения. Только не сейчас, когда я узнала, чем на самом деле так занят ее сын в командировках.

– У меня нет вазы под этот букет, – бесцеремонно отбираю цветы у свекрови, – не нужно было Глебу так тратить, все равно завянут.

– Ой, я же привезла подходящую вазу! – восклицает Анна Николаевна. – Вернее, Мишенька привез, я его попросила. Идем скорее.

Буквально заставляю себя выйти из комнаты вслед за матерью Глеба. В голову закрадывается малодушная мысль, что когда я вернусь ночью в спальню, никаких фотографий уже не будет. И можно будет сделать вид, что ничего не произошло, мой брак все так же образцово прекрасен.

Ваза действительно находится в машине Михаила Юрьевича. И именно такого размера, как нужно.

– Удивительная предусмотрительность, вы как будто знали, какая ваза мне понадобится, – безэмоционально комментирую, засовывая ненавистный веник в воду.

– Хм, – на мгновение на лицо Анны Николаевны набегает тень, а у меня появляется подозрение о том, что она в курсе дополнительного конверта с сюрпризом, – я не скажу, что знала, но такая мысль у меня была, скрывать не буду.

Ее реплика прозвучала крайне двояко. Или это я теперь везде ищу двойное дно? В любом случае, пока я не начала спрашивать свекровь, о чем именно она догадывалась и почему не сказала мне, я отворачиваюсь к торту.

– Наконец-то задует свечи, – натягиваю на себя улыбку и зажигаю свечку.

А не отнеслась бы я отрицательно к самой свекрови, скажи она мне, что Глеб мне изменяет? Гонцов плохих вестей никто не любит.

И что же мне делать теперь? Поделиться с ней? Спросить совета? Своей–то матери у меня нет.

– Какие молодцы, задули свечку, мои хорошие пошли в папочку, – в мой разум проникают слова Анны Николаевны, и я не сразу понимаю, что пропустила важный момент в дне рождения детей, зависнув в своих мыслях.

Спасибо Маше, она снимала нас на камеру. Смогу увидеть все со стороны.

– В папочку, ха, – усмехаюсь, – я тоже могла задуть свечку на торте в год. Это не показатель гениальности или какого–то особого таланта. А внешне так вообще оба больше на меня похожи. По крайней мере, пока что.

Свекровь постоянно расхваливает своего сына, а меня пытается задвинуть на второй план. И обычно я отношусь к этому с юмором. Глеб единственный ребенок в семье, и любовь матерей к их мальчикам давно и красочно проиллюстрирована в литературе и кинематографе. Да и трудно найти семью без одной такой истории. Но сейчас я не в состоянии шутить и легко ко всему относиться.

– А вот у нас что старший, что младшая не смогли задуть свечку на торте даже в два. Так что, Оль, у вас семья гениев, – говорит Маша, пытаюсь разрядить атмосферу.

– А–хах, – выдавливаю из себя натужный смех. – Ладно, давайте пить чай и расходиться. Мне еще это все убирать и детей укладывать.

– Так, может, давай мы поможем. Чего ты одна будешь все здесь драить, – предлагает подруга, смотря на меня сочувственно.

– Глебушка предлагал Оленьке нанять приходящую помощницу по хозяйству, она отказалась, – тут же вставляет свои пять копеек Анна Николаевна.

Да, предлагал. Я же, дура, семейный бюджет берегла и из себя героиню строила. Да и как предлагал, один раз спросил мимоходом и все. Формально изобразил из себя заботливого мужа, по факту оставшись равнодушным.

– А знаете, завтра вызову клининг, вы правы. Что же, чай, – хлопаю в ладоши и с преувеличенным энтузиазмом тороплюсь на кухню.

Глава 3

Гости ушли. На удивление, дети улеглись спать без истерик. Без дневного сна у меня теперь целый поздний вечер наедине с собой.

Медленно обвожу глазами сантиметр за сантиметром каждой комнаты в нашем с Глебом доме. Вот тут я уступила желанию мужа поставить панорамные окна, чтобы любоваться рассветами и закатами. В итоге получилось красиво, не спорю, мне нравится, но я люблю природу, как правило, в гордом одиночестве и вполне обошлась бы без этого.

Дальше у нас идет чисто мужской кабинет, как будто в нашем доме минимум триста квадратов, и разнополых детей не нужно будет расселять по мере их взросления.

А тут у нас должна была встать этажерка с комнатными цветами. Я до сих пор вижу в своей голове, как красиво и зелено было бы здесь, осуществи я желаемое.

Но Глеб убедил меня, что в обиходный минималистичный стиль дома целая куча растений не впишется. Да и куда мне за ними ухаживать, я ведь тоже работала до рождения двойняшек.

И точно так же, как и сейчас, большинство времени дома проводила без мужа. Как-нибудь нашла бы силы на растения, никуда бы не делась.

А цвет стен в нашем доме? Он же ненавистно–минималистично–серый!

Это я еще не вспоминаю всякие мелочи типа картины, которую я хотела повесить в спальне, но она, по мнению Глеба, хорошо смотрелась в дальнем углу коридора, зато его дурацкий постер я обязана лицезреть каждый день.

Хотя...

Стремительно захожу в нашу спальню и срываю постер над кровать. Глеб так и не потруился приобрести для него рамку.

– Хватит с меня всего серого, хватит надоевшей минималистичности, – приговариваю, с остервенением отдирая уголки, – я больше не собираюсь с этим мириться. Ай! – неловко ударяюсь о спинку кровати. – Да что ж такое–то! – восклицаю в потолок и неожиданно для себя начинаю рыдать.

Причем рыдаю сильно, с надрывом, хорошо, дверь плотно закрыла, не должна разбудить детей, а то моим завыванием сейчас позавидовала бы сама банши, которая является ирландской предвестницей смерти, согласно преданиям.

Скатываюсь с кровати на пол, а мои завывания все не утихают. Я никогда не представляла, что во мне столько слез. Они всегда были в глубине, на самом дне моей сущности, а тут внезапно поднялись на поверхность и прорвали годами выстраиваемую плотину.

Мне так жалко себя. Я, наверное, даже не представляла себе до этого дня, сколько раз я уступала Глебу. И что в итоге?

Я рожаю ему детей, обслуживаю его дом, а он развлекается с какой–то белобрысой девкой и даже не потруился приехать на день рождения сына и дочки. Хватаю с тумбочки нашу с Глебом фоторамку и швыряю ее в стену.

– Скотина, – цежу сквозь зубы.

Наконец–то поток слез прекратился, осталась только икота, лишний раз напоминающая, насколько я жалкая.

Видеоняня издает шорохи, испуганно хватаю ее, но на экране с трансляцией все нормально. Фух, к счастью, моя истерика не разбудила детей. Кладу видеоняню на прикроватную тумбочку и цепляюсь взглядом за телефон.

Я боюсь взять его в руки, очень боюсь. Словно, возьми я его, и все, пути назад не будет. Останется только одна дорога. А я до сих пор не уверена, что хочу по ней идти. Да, надо, да, обида и предательство обязывают, но я не хочу.

Неизвестно, сколько бы я так просидела, но тут мой телефон внезапно оживает. Кто-то звонит, и я снова страшусь.

Мое поведение глупое, нужно с ним завязывать. В конце концов, от этого разговора никуда не деться, я не собираюсь бить себя по голове в надежде вызвать амнезию. И никаких притянутых за уши оправданий поведению Глеба на фотографиях тоже не будет. И потому какого черта.

– Алло, – произношу решительно, нажимая на сигнал вызова.

Глава 4

– Оленька, деточка, я там у тебя, кажется, забыла свою кашемировую накидку, – в телефоне раздается совсем не тот голос, который я ожидала услышать.

Смотрю на экран, да, мне не показалось. На эмоциях сама себе что-то там в голове придумала и рада стараться.

– Обязательно посмотрю, Анна Николаевна, не волнуйтесь. Я ее никуда не дену, если найду, – отвечаю устало.

Мне вообще плевать на какую-то кофту, у меня жизнь рушится, а она об одежде.

– Спасибо, милая. Ну как ты там? Детки уснули? Глеб звонил?

Свекрови мало спросить по делу, ей еще и светский разговор нужно завести.

– Как обычно. Да. Нет, – отвечаю безэмоционально.

На языке так и вертятся едкие слова про ее любимого Глебушку в обнимку со светловолосой красавицей. Но я молчу. За столько лет брака привыкла молчать, и от этой привычки не так-то легко избавиться.

– Какая-то ты расстроенная, случилось чего? Глеб что-то не то написал в букете?

Должно быть, у меня паранойя, но мне слышится намек в словах Анны Николаевны. Она знает? Может быть, все вокруг знают? Раз Глеб сегодня кому только не звонил, кроме меня!

– Устала. И да, не то, – произношу отрывисто.

– Милая, понимаю, долгий изматывающий день, да еще муж не приехал, а ты так ждала. Но ты сама должна понимать, у вас двое маленьких детей, ты не работаешь, вот Глебу и приходится вкалывать больше, чем раньше, – льется приторный голос в трубке.

– Предлагаете мне сдать двойняшек в государственные ясли и вернуться на работу? Детей не жалко? Или, быть может, вы будете с ними сидеть? Вы же любящая бабушка, в конце концов! – не могу сдержать сарказм.

– Нет-нет, детки должны быть с мамой, это несомненно. Да и ты их так долго ждала, Глеба на искусственное оплодотворение уговорила, хотя все были против. Нет-нет, теперь наслаждайся.

Вот сейчас я совсем не понимаю, что происходит, и что за бес вселился в мою свекровь.

– Вы это к чему? Вам внуки не нужны? Вы прекрасно знаете, что обычным способом у нас долго не получалось. Мы должны были сдать и остаться бездетными? Найти радость жизни в чем-то ином?

Запоздало думаю, что, возможно, Анна Николаевна не хотела обидеть, не было никакого сарказма, а я выплеснула на нее эмоции. А ведь это не она не приехала на день рождения детей, она-то как раз здесь присутствовала.

– Простите, не хотела срывать, – винюсь, опережая ответ женщины. – Поищу я вашу кофту, но не сейчас, я устала.

– Понимаю, Оленька, понимаю. Ты так старалась сегодня, развлекала нас. А денег потратила небось немерено. И все-то ради деток, понимаю, у тебя сейчас все ради деток. О Глебушке уже так не печешься как раньше, да? – льется приторный голос в трубке.

На секунду зависаю. Она надо мной издевается? Или она всегда была такой, а я не замечала, списывала на безобидное ворчание, чуть ли не второй матерью ее считала.

Используя живое воображение, я могу услышать, как мои розовые очки покрываются трещинами.

В отношениях со свекром я тоже чего-то не замечала? Он считает меня недостойной партией для сына? Обслуживающим персоналом?

А наши совместные друзья, как они меня видят? Ведь Толик с Машей живут гораздо скромнее. Тоже считают меня тунеядкой, удачно выскочившей замуж?

И кто я, в итоге, без Глеба? Никто?

Должно быть, даже не полноценная мать детей, ведь они у меня из пробирки.

Или это мои дети для окружающих какие-то не такие, раз получились с помощью чудес медицины?

Ну нет, о детях я не позволю говорить и думать плохое. Пусть идут они все лесом.

– Вы полагаете, что важнее уделять повышенное внимание взрослому мужчине, а не годовалым двойняшкам? И это при том, что этот самый мужчина уже давно не появлялся дома! – наверное, чуть ли не впервые повышаю голос на свекровь.

– Так, может, он потому и не появлялся, что дети из пробирки вытеснили его место рядом с тобой, – ехидно произносит Анна Николаевна и бросает трубку.

Глава 5

Смотрю на телефон несколько секунд в недоумении. Прямо день открытий. Или все-таки не открытий, а смены розовых стекол на нормальные линзы.

После разговора со свекровью в голове тупая пустота, даже боль от предательства Глеба отступила куда-то на второй план.

Наливаю себе воды и сажусь на ковре возле панорамного окна. Наш дом расположен чуть на возвышенности, и такое остекление абсолютно оправдано. Поздними вечерами открывается очень красивый вид со всеми этими манящими огоньками.

Но все-таки по поводу практичности я остаюсь на своем. Для семейного дома панорамное остекление ни к чему. Я уже начинаю переживать по поводу малышей и их взаимодействий с окнами.

Понятно, я не буду оставлять окна открытыми нараспашку, но у меня даже сейчас присутствует некоторый иррациональный страх, что прикоснусь я к стеклу чуть сильнее, и оно просто вывалится, а следом и я за ним. Вот и как быть в итоге с детьми?

Нет, Глеб не думал о моих страхах, он их игнорировал. Да и, справедливости ради, я их не сильно-то озвучивала.

Так, может, в этом и есть наша проблема? Открытый диалог давно покинул семью. И был ли он когда-нибудь с моей стороны – неизвестно. Я всегда предпочитала подстраиваться и отмалчиваться, потому что мне это казалось естественным. Вот же хороший надежный парень, он меня любит, у него нормальная семья, мы всегда будем в полном порядке.

– Какая же я дура, – шепчу себе под нос и со слишком громким звуком ставлю стакан на пол.

Только увидев фотографии Глеба с другой женщиной, я задумалась, сколько на самом деле у меня затаенных обид к нему и его родителям. А во многих случаях нужно было всего лишь говорить, выразить свои мысли вслух и настаивать на своем.

Хотя диалог с моим мужем – это порой очень сложное занятие. Он вспыльчив и имеет привычку подавлять.

Ко всему прочему я жила с психологическим манипулятором?

Нет, полный бред. Если называть этим словом всех, кто не всегда способен себя держать в руках, то у нас почти вся страна будет состоять из одних манипуляторов. Действительно, это не вина Глеба, что я изначально не настояла на отсутствии серой краски хотя бы в некоторых помещениях дома. И в детской у нас обычные окна, тут мы с мужем совпали.

В итоге, может, я виновата в том, что мне изменили?

А что, фигуру я так и не подтянула.

Да, основной вес ушел, но подушка безопасности внизу живота никуда не делась, и эти ужасные складки на спине под бюстгалтером стоят мне только выпрямиться. У меня их никогда раньше не было.

Поднимаюсь на ноги, скидываю с себя одежду и остаюсь в одном нижнем белье. Затем беру одну из присланных фотографий, ту, на которой девица видна во всей красе в крохотном купальнике, и принимаюсь сравнивать нас. И сравнение получается совсем не в мою пользу. Так и хочется отрезать все лишнее, но едва ли я решусь на операцию ради красоты. Никакой Глеб не достоин, чтобы я рисковала собой из-за ерунды. В одном Анна Николаевна права, Никита и Соня у меня на первом месте.

– Ааа, – не сдерживаюсь, кричу и запускаю стаканом в зеркало.

Удивительно, но оно не разбивается вдребезги, лишь тонкие трещинки расходятся от места соприкосновения предметов. А вот стакан как раз разбивается, едва ему стоит достигнуть пола.

Не к месту вспоминается глупая шутка: «Если разбить зеркало к несчастью, а разбитый стакан, наоборот, к счастью, то что я получу?».

Ах да, у меня ведь зеркало практически целым осталось. Неужели пронесло, и несчастья не будет?

Опускаюсь на колени и случайно попадаю прямо на стекло.

– Черт, вот тебе и несчастье, – ругаюсь, вынимая из-под ног осколок. – Смотреться в зеркало с трещинами, кажется, тоже приводит к чему-то плохому.

Тянусь за дальним осколком, нужно собрать все крупные, только потом призвать на помощь робот-пылесос, но он неудачно закатился, и я неловко ударяюсь носом о боковину стола. Перед глазами становится мутно, из носа стекает тоненькая струйка крови, и я теряю сознание.

Глава 6

Просыпаюсь от истошного крика по видеоняне и вживую.

– Иду, я, иду, – бормочу, поднимаясь.

Голова раскалывается, и я удивляюсь, обнаружив себя на полу, а не на кровати. И тогда события прошлого дня быстрой картинкой мелькают перед глазами.

– Черт, из-за этого придурка я себе переносицу повредила, – говорю, осторожно ощупывая лицо, но тут дети снова заходятся в крике. – Уже бегу, мои сладкие!

Бросаю быстрый взгляд на часы, к этому времени я обычно на ногах, неудивительно, что дети подняли ор, они давно должны есть кашу, играть, смотреть мультики. В общем, заниматься своими важными малышковыми делами. А мать мало того, что спала на полу среди осколков, порезалась и повредила нос, так еще и спина теперь нещадно болит.

И как герои книг ночуют в лесу? Не понимаю. Меня и толстый ковер не спас.

– Котики мои, здравствуйте, – воркую с ребятами, – а мама здесь, мама пришла, никуда не делась.

Дети при виде меня немного успокаиваются, но все равно смотрят недовольно, исподлобья, неуловимо напоминая мне Глеба.

Ох нет. Я не стану проецировать наши с ним проблемы на Никиту и Сонечку. Они не виноваты в неверных поступках своего отца.

Отгоняю прочь мысли и принимаюсь за утреннюю рутину, попутно приводя себя в порядок. Лицо вокруг носа немного опухло, да и общие ощущения странные. Кажется, придется обращаться к врачу.

Кто-то, наверное, удивится, узнав, какое сложное мероприятие для меня – сходить к доктору. Самой, не по поводу детей. Ведь у нас есть в этом городе бабушка и дедушка! А еще мы живем в большом красивом доме. Напрашивается закономерное предположение, что я пользуюсь услугами няни.

Но нет. Я, как бравый семейный страж, ничего лишнего не трачу. Буквально сохраняю каждую лишнюю копеечку. Правда, неизвестно, для чего.

До вчерашнего дня я бы залезла в собственные сбережения, чтобы обратиться–таки к услугам няни, все–таки до рождения детей я работала на приличной должности и исправно получаю декретные. Или же позвонила бы Анне Николаевне и лебезила бы перед ней, выслушивая ее комментарии. Но сегодня я не буду. Поступлю по–другому.

– Котики мои, собираемся. Сейчас мы с вами поедем в развлекательный центр! – весело хлопаю в ладоши, и дети мне вторят, естественно, мало понимая, что я им говорю.

Я уже заглядывалась однажды на этот центр, там есть отдельное помещение для таких малышей, как мои, и имеется возможность оплатить услуги личной няни. Вот как раз сегодня и попробую. Рядом частная клиника, ребята будут под присмотром, пока я займусь собой.

Какое счастье, что я беременная выучилась на права. Понятия не имею, как бы мы жили, топя черте–куда на остановку с детьми на двойной коляске. Папы–то у нас фактически нет. Так, одно название.

Аккуратно паркуюсь, все еще нервничаю на этом маневре, но все проходит отлично. И я, даже слишком воодушевленная, выхожу из машины.

– Приехали, мои сладкие, сейчас вы будете развлекаться, а я лечиться, – бодро сообщаю детям, усаживая их в коляску.

В детском центре все проходит гладко, и я, скрепя сердцем, оставляю детей, раз десять попросив мне звонить при любой проблеме. Ребятам, кажется, нравится в новом месте, и они быстро забывают про меня.

В клинике все проходит не столь гладко и дольше, чем я рассчитывала изначально. Но, главное, ничего серьезного с моим носом не произошло. Простой ушиб. Отек должен спасть, и я снова стану красавицей.

– Вы знаете, мы оказываем помощь женщинам, подвергшимся насилию. Если вам не к кому обратиться или хотя бы выговориться, мы поможем, – вкрадчивым голосом вдруг произносит врач, когда я довольная собралась уходить. – Это бесплатно! Вы не думайте! – добавляет она, неверно поняв выражение моего лица.

– Кхм, – прочищаю горло, так вот как я выгляжу для окружающих со своей травмой. Даже неловко, – спасибо, конечно, но я не подвергалась насилию. Если только со стороны стола и собственной невнимательности.

– Да-да, – доктор сочувственно качает головой.

Не верит мне.

– Знаете что, – психую, – до свидания!

Выскакиваю в коридор и хлопаю дверь напоследок.

Немного успокаиваюсь только на улице. И чего я в самом деле, женщина ведь хотела как лучше. А я так реагирую.

Присаживаюсь на лавочку, переводя дух. Пора идти за детьми, возвращаться в привычную колею. Но тут у меня звонит телефон.

– Глеб, привет. Уже и не чаяла тебя услышать, – произношу, быстро нажимая на кнопку вызова на смартфоне.

Глава 7

Одергиваю себя, давая по голове мысленную оплеуху. Еще бы сказала ему, как скучаю и люблю. Он полностью забил на нас с детьми и нашел себе новую шикарную блондинку без сомнительных складочек на талии после трудных родов, а я ему семейные нежности подавать собралась.

– Да, Оль, был занят. Я и сейчас занят, но ты сильно меня удивила. Пришлось забить в поисковике, а то никак не мог понять, что у тебя за траты. Няня в развлекательном центре, серьезно? И косметологическая клиника? Что ты там себе делала? Внезапно решила красоту навести для кого–то, пока я здесь деньги для семьи зарабатываю?

Неожиданно на меня вываливаются обвинения Глеба.

Я аж теряюсь на некоторое время. Вроде виноват он, а почему тогда ругают меня? Или это тактика защиты такая?

– Подожди! – приходится прикрикнуть, чтобы прервать несправедливое словоблудие. – Какая еще косметологическая клиника? Я была в совершенно обычной, хотя и платной! Понятия не имею, что ты там нашел в своем поисковике, но это полный бред! И, о да, меня же в этой жизни в первую очередь волнует красота! Хотя знаешь, врач, у которого я была на приеме, решила, что ты меня избиваешь. Вот так вот, да! Не поверила, что можно получить сильный ушиб переносицы об стол самостоятельно. Так что да, самое время подумать о косметологической клинике!

В телефоне повисает молчание. Я выдохлась, мне нужно перевести дух, чтобы наконец–то заговорить о действительно важном и серьезном.

А Глеб... Ну, это Глеб.

– Ты ударилась об стол? Так сильно, что к врачу пришлось идти? – в итоге спрашивает он уже спокойным голосом.

– Да, представь себе! Даже сознание потеряла, проснулась утром с запекшейся кровью на лице.

– Ясно, – тянет он. – Извини, вопрос, конечно, серьезный. Ты у детей одна, надо беречь себя.

– О да, действительно, именно что одна! Ведь их папа даже на день рождения не приехал! – из меня вырывается нервный смешок.

Мы подбираемся к той самой теме икс, и мне становится банально страшно. Я не готова услышать, что Глеб меня больше не любит, что у него другая. Просто не готова. Только не так, не по телефону.

Хотя кого я обманываю, какая разница по телефону, лично или в письме. Все одно. На расстоянии, возможно, более унизительно в моменте, но зато есть шанс сохранить лицо. Положить трубку или откинуть от себя письмо, и только потом зайти в некрасивых истошных рыданиях.

– Так и думал, что ты обидишься, а ведь я подарки подготовил, – произносит Глеб, – старался, сам выбирал и заказывал.

– Мне нужно похлопать в ладоши? Или, может, Никита и Соня должны этим заняться? Глеб, они тебя не помнят даже! Они до сих пор при виде твоего отца сначала нервничают, вспоминая, что это их дедушка, а не чужой дядя, а тебя они лицезрят реже, чем его! – увещаю супруга. – А твой подарок мне, Глеб, о да, я его надолго запомню, он выше всяких похвал!

Но муж то ли не слышит мой сарказм, то ли предпочитает не слышать.

– Кстати, а почему ты маму не попросила посидеть с Никитой и Соней, зачем какой–то непонятный развлекательный центр с чужими тетками? Ты о двойняшках подумала?

Вместо признания себя неправым, он нашел, к чему придраться в моем поведении. А ведь если так подумать, он любит использовать этот прием в общении со мной. Мастерски манипулирует марионеткой, взятой под официальную роспись в ЗАГСе.

– Подумала, – спокойно отвечаю, не ведусь на провокацию, – именно о них я и подумала. А еще о себе, как ни странно. Я твою маму за месяц до дня рождения детей начала уговаривать прийти и помочь мне с ними, чтобы я смогла заняться организацией праздника. За месяц, Глеб! Ведь она такая занятая женщина, только непонятно чем, ведь на работу она не ходит.

– У мамы давление, сосуды, папа, – пытается выгородить Анну Николаевну Глеб.

– Это у меня скоро будет давление с сосудами от такой жизни. А твоя мать здоровее многих тридцатилетних, – отбрываю я. – И извини, но если бы у меня оказалась сломана носовая перегородка, я бы физически не смогла ожидать целый месяц, пока твоя мать освободила бы место в своем насыщенном графике маникюров и косметологов.

– Если бы ты объяснила ситуацию, она бы отложила свои дела. Она же все-таки в первую очередь мать! – патетично восклицает мой муж.

– Короче, Глеб, наш спор никак не объясняет ни твоего вчерашнего отсутствия, ни того, что ты звонишь мне только сегодня и то лишь для того, чтобы наехать за нецелевое растрачивание средств. Ты вчера даже с Толиком умудрился связаться! А мне не смог черкнуть одно несчастное сообщение. Не посчитал нужным, – горько усмехаюсь, а в уголках моих глаз уже скапливаются предательские слезы. – Ты никак не комментируешь произошедшее, как будто все нормально. Я понимаю, конверт в букете красноречивее многих слов, но это ни в какие ворота, Глеб. За столько лет совместной жизни я заслужила гораздо более человеческого объяснения.

– Оля, я работаю! На благо семьи работаю! Я же написал в письме, вернусь, и ты поймешь, с чего я решил еще остаться тут! Что за глупые бабские капризы? А дети в год и вовсе не запомнят, кто был на их празднике! Потратила деньги на полноценный день рождения, и ладно! Я был не против, хотя по мне, это чистой воды блажь. Не в этом возрасте праздновать. Но я не спорил, решил, что тебе нужно самой проветриться. Но теперь я должен слышать наезды?! Нет уж. Я тебе сказал, я вернусь, и все изменится. Не так много осталось подождать.

– В одном ты прав. Все действительно изменится, не может не измениться, – договариваю и бросаю трубку.

Глава 8

С трудом подавляю в себе порыв кинуть телефон на асфальт, а потом потоптаться на нем сверху с особым остервенением. Мобильник не виноват в моих эмоциях, и я по нему разговариваю не только с Глебом. Наоборот, с мужем я связываюсь меньше всего. А вот если я останусь без телефона, а мне в этот момент позвонят по поводу детей, вот это будет очень и очень плохо.

Делаю глубокий вдох и выдох и уже гораздо спокойней кладу смартфон в карман. Можно не ожидать звонка Глеба, он никогда не перезванивает после наших с ним ссор. И сейчас я впервые этому рада.

Смахиваю набежавшие слезы и накидываю на волосы капюшон. Начинает накрапывать противный дождь, погода стремительно портится, но я физически не готова прямо сейчас идти за детьми. Не хочу, чтобы они, да и работники центра, видели меня в таком состоянии. Вкупе с моим красивым носом красные глаза и дрожащий подбородок точно побудят кого-то обратиться в службу помощи женщинам, подвергшимся насилию.

А ведь Глеб ничего про фотографии прямо так и не сказал, и на мои слова не отреагировал.

Ожидал моей истерики? Или решил, что и так все ясно, к чему лишний раз мусолить, имея на руках столь красочные доказательства!

Хотя этот скорее лишнее скажет, но никогда не промолчит там, где можно было бы и подождать. Он не я.

А если фотографии подкинул не он? Дело это не меняет, но хотя бы объясняет поведение Глеба. Но кто наш тайный «доброжелатель»?

Мои мысли прерывает звонок телефона. Испуганно вздрагиваю и лезу в карман. Нет, там, конечно, не Глеб.

– Алло. Что-то произошло с детьми? – спрашиваю обеспокоенно. – Я уже собираюсь идти к вам.

– Нет-нет, все хорошо, Ольга Сергеевна, просто хотели уточнить, продлевать ли еще час, или вы успеете добраться до нас за пятнадцать минут?

– Д-да, конечно, успею, – отвечаю, прикидывая, что я совсем рядом. Но потом вспоминаю, что только что у меня из глаз текли слезы, и мое лицо наверняка выглядит не лучшим образом. – Хотя нет, подождите, продлевайте, да, точно продлевайте, – говорю, но что я буду делать целый час? – Или нет, успею я, – снова передумываю, а девушка администратор терпеливо меня слушает. – Да, пожалуй, успею.

– Хорошо, будем вас ждать, – говорит администратор и отключается.

Поднимаюсь на ноги, стряхиваю капли дождя с сумки и тут боковым зрением замечаю красивую блондинку. Растерянно смотрю на нее несколько долгих секунд, пытаюсь понять, откуда я ее знаю. А девушка не обращает на меня никакого внимания, бодро шагает на шпильках под дизайнерским зонтиком.

Ох, мне резко плохее, даже приходится обратно присесть на лавочку. Эту блондинку я имела счастье видеть буквально вчера в красноречивых позах вместе с моим мужем.

Но что она здесь делает, когда он где-то там?

А девушка тем временем практически скрывается из поля моего зрения.

Решение приходит моментально. Резко подрываюсь на ноги и тороплюсь за ней, прикипая глазами к ее дизайнерскому зонту.

– Алло, – звоню в детский центр, – я извиняюсь, но я все-таки не успею. И, возможно, даже дольше, чем на час.

– Без проблем, Ольга Сергеевна, вашим деткам у нас нравится, они ведут себя отлично, – произносит администратор. – Не торопитесь, все будет хорошо.

– Ага, хорошо, – бормочу себе под нос, засовывая телефон обратно в карман, – только непонятно у кого.

Тем временем блондинка прилично оторвалась от меня. Как будто это я на высоченных шпильках, а не она. Приходится ускориться.

Я и сама толком не знаю, зачем мне ее преследовать, что я скажу, если мы с ней столкнемся? Или буду просто наблюдать, пока она не скроется где-нибудь, куда мне не будет доступа.

А дальше что? Проникновенный вопрос, что она делала с моим мужем? И почему она сейчас здесь, а не там, рядом с ним.

Бред. Полнейший бред. Но ноги меня так и несут за ней.

Впрочем, мне везет, девушка вскоре заходит в торговый центр. Хоть обсохну немного, а то ведь я не озаботилась зонтом с утра. И, рискуя серьезно заболеть, все упрямо продолжаю глупую слежку.

Ой, а если те фотографии ненастоящие? То есть они напечатанные и там Глеб с этой и все дела, да. Но если они как бы поддельные? Многие в фоторедакторе чего только не творят.

Нет, боюсь, это версия из слезливых фильмов про любовь, в жизни обычно все прозаичнее. Девушка могла приехать в город раньше, не все же ей время торчать вместе с Глебом. А он задержался действительно по работе, и никаких тайных скрытых мотивов и надежд мне эта слежка не даст.

С другой стороны, та же свекровь от меня не в восторге, хватит ее оправдывать своеобразным проявлением любви ко мне. Нет там никаких теплых чувств, и, должно быть, никогда и не было. Это я постоянно придумывала объяснения ее поведению.

Быстро я перешла от уважения к Анне Николаевне до подозрения ее в расстройстве моего брака. Нелогично, конечно, ведь мы с Глебом давно вместе, зачем было ждать рождения детей?

Хм, а ведь из-за фразы про детей из пробирки я на нее и обиделась.

Неужели у нее какие-то проблемы с этим? Начиталась баек из интернета про неродных детей и прочую чушь?

Замечаю, как блондинка направляется в сторону зоны кафе и иду за ней. Чувствую себя крайне глупо, но бросать на полпути не хочется, не знаю, может, наша встреча была не случайна, может, она мне что-то новое поведает, предоставит недостающую деталь, чтобы пазл окончательно сложился.

Я стою прямо за девушкой, она покупает салат и сок, а я кусок пиццы и сладкую газировку.

И все идет как надо, но тут стоит ей резко развернуться, а мне не успеть затормозить, как мы на полном ходу врезаемся друг в друга.

Глава 9

С сожалением наблюдаю, как тарелка с моей пиццей опасно кренится и падает на пол. За ней следует и газировка.

– Ох, простите, неловко вышло, со мной такое впервые, я обычно не сталкиваюсь с людьми подносами и не отправляю их еду на пол! – восклицает блондинка.

«Ага, ведь обычно ты очень занята, проводя время с чужими мужьями», – мысленно комментирую.

– Все бывает в первый раз, – это самое вежливое, что я могу из себя выдавить.

Лучше побольше молчать, пусть она болтает, а я буду всеми силами держать себя в руках.

Хрусь...

– Ой, вы вилочку пластмассовую сломали, – говорит девица. – Не расстраивайтесь так, я возьму вам обед, сейчас новый куплю. Вы пока присаживайтесь за столик, – она деловито подталкивает меня к ближайшему пластиковому недоразумению и ставит на него свой поднос. – Я мигом, все равно хотела вернуться и побаловать себя маленьким пирожным. Я и вам возьму, только не плачьте! – она утешающе хлопает меня по плечу и убегает к раздаче.

И на это воздушное безобразие меня променял Глеб?! Да быть такого не может. Он и она, они просто не могут быть вместе. Они с разных планет!

И вообще–то я не плачу! Она мои стиснутые от злости зубы приняла за начинающиеся слезы!

Нет, что–то здесь не вяжется, это точно. Ну не мог Глеб повестись только на внешность.

Или это был приятный отдых во время командировки? В этом случае они едва ли много разговаривали. А уж на наигранную воздушность–восторженность можно и вовсе закрыть глаза.

Блондинка вскоре возвращается с подносом, наполненным новой едой. Мои губы все еще плотно сомкнуты от злости, боюсь, стоит мне их разжать, как я не сдержусь и устрою скандал на весь торговый центр. Не хотелось бы привлекать лишнее внимание и становиться всеобщим посмешищем, телефоны с камерами сейчас есть у всех.

Молча наблюдаю, как девица расставляет покупки и что–то попутно мило щебечет. Как поправляет свои идеальные волосы, и как только у них у нее могут быть настолько идеальными с постоянным обесцвечиванием? Как улыбается, обнажая ровные белые зубы, а потом садится напротив меня с прямой спиной.

Да, действительно, при такой внешности можно и потерпеть болтовню, не семью ведь он с ней собрался заводить. Верно?

– У вас что–то случилось, да? На вас лица нет. Может быть, я смогу помочь? – блондинка смотрит на меня участливо.

Ее голос неожиданно врывается в мой мозг, не сразу понимаю, что она обращается ко мне.

Вот и я успешно отключилась от ее восторженной болтовни. Глебу наверняка не составляло труда делать то же самое.

– Кхм, – прочищаю горло и делаю глоток газировки. Она неприятно царапает мое горло, и я морщусь от досады. Неужели блуждание под дождем так быстро сказалось на моем здоровье, – случилось, да. Определенно у меня что–то случилось.

– Не переживайте, все наладится! Лучше съешьте пирожное, сладкое поднимает настроение! – она подвигает ко мне тарелку.

– А у вас тоже плохое настроение, раз вы едите такое же? – смотрю на нее в недоумении. Постный салат и сок странно смотрятся рядом с жирным кондитерским изделием.

– Нет! У меня, наоборот, сегодня праздник, – отвечает она, смеясь. – Я подписала выгодный контракт в модельном агентстве.

– То есть вы модель, ага, – киваю и на автомате зачерпываю ложкой пирожное. – О, а оно вкусное.

– Ага, сама удивилась, когда впервые попробовала. Все-таки торговый центр и приличные кондитерские изделия не очень вяжутся между собой, – эмоционально соглашается со мной блондинка. – Так что у вас случилось? Поделитесь, сразу станет легче.

– Лучше вы расскажите о своей работе. Никогда не общалась с моделями, но всегда очень хотела, – прожигая ее взглядом. – Вы только в нашем городе трудитесь или постоянно в разъездах?

– Последнее время сижу безвылазно здесь, – она машет рукой, – устала ездить.

Что-то не вяжется, ведь Глеба как раз нет в городе в последнее время.

И, кстати, она точно не испугалась, увидев меня. Конечно, не все любовницы обязаны знать в лицо законных жен, но все же.

А девица – модель, наверняка в свободном доступе можно найти кучу ее фотографий, чем мог воспользоваться кто угодно, чтобы развалить нашу семью.

– Смотрите, какой забавный чехол купила вчера. Он не только красивый, но и ударопрочный!

Пока я пребываю в собственных мыслях, блондинка успевает достать смартфон и уже тычет его задником мне в лицо.

– Ага, супер, – отвечаю безэмоционально, но девицу это нисколько не смущает.

– Ой, салфетки! У этих они закончились, – она кивает в сторону раздачи еды, – придется попросить у других. Сейчас вернусь!

Она опрометчиво оставляет свой телефон на столе, а сама подскакивает на ноги.

Вот он мой шанс. Нужно просто быстро взять смартфон и изучить ее контакты.

Уже протягиваю руку над чужим мобильником, как его экран самостоятельно оживает. Именно в этот момент кто-то решил позвонить блондинке.

– Глеб, – шепчу в шоке, ведь на экране высвечивается фотография моего мужа.

Глава 10

Вот вроде и сама собиралась найти следы общения блондинки и Глеба, однако увиденное непроизвольно вызывает у меня шок. От неожиданности и осознания, что именно означает его звонок, дергаюсь и случайно толкаю стакан газировки. Он падает на стол, и жидкость стремительно подбирается к телефону блондинки.

«Надо уходить, чем быстрее, тем лучше», – бьется мысль в моей голове. – «Я не хочу, не смогу слышать их разговор и ничем себя не выдать, и наводящие вопросы задать тоже не смогу. Достаточно с меня доказательств, хочется сохранить достоинство».

Подрываюсь на ноги и, толком не разбирая дорогу, торопливо шагаю к выходу.

– Эй, куда же вы? – доносится голос девицы, кажется, я ее плечом задела, пока торопилась на выход, и это она еще не видела свой телефон. Надеюсь, газировка его основательно испортит.

Ускоряюсь и я уже на спасительной улице. Дождик стих, тучи, правда, не ушли, но прохлада и сырость делают свое дело, прочищают мой мозг и загоняют поглубже желаемую вырваться на поверхность истерику.

Я не поддамся ей, только не здесь и не сейчас. Меня ждут дети, потороплюсь к ним. Да и не хотелось бы, чтобы за мной бежала взбешенная блондинка с обвинениями в порче ее новенького смартфона со стразами.

Чтоб ее, ее смартфон и Глеба вместе скрутило.

Хотя это они и без меня успели организовать. И явно не один раз.

Сволочи.

Как же я их ненавижу.

– Ааар, – не сдерживаюсь, рычу и со всей силы стучу ногой по глубокой луже, чем вызываю заслуженный недоумевающий взгляд прохожих.

Ага, вам не понять, с чего это взрослая девушка ведет себя, как неуправляемый подросток с проблемами. Знали бы, глядишь, еще и не такое вытворили бы. Не удивлюсь, если бы и вовсе в этой луже искупались в порыве бешенства.

И зачем я пошла за этой девицей? Не могла довольствоваться фотографиями? Нет же, теперь заново испытывать боль от предательства!

Но затекшая в обувь вода немного отрезвляет меня, заставляет успокоиться и сосредоточиться на двойняшках. Заберу их, доставлю домой, уложу на дневной сон, а там можно и снова истерику устраивать. Хотя нет, хватит истерик. Настало время для конструктивных мыслей.

– Здравствуйте. Я пришла, сколько с меня, – произношу ровным голосом, едва добравшись до детского центра.

– Здравствуйте еще раз, – администратор широко улыбается, – сейчас я посчитаю. Детки себя очень хорошо вели, им у нас понравилось, обязательно приходите еще.

Бросаю взгляд на малышню, уверена, девушки всем родителям так говорят, но мои вроде бы действительно выглядят довольными. Уже тянутся к играм в обществе?

– Да, хорошо, спасибо, – отвечаю ей нейтрально.

Быстро оплачиваю, забираю детей и качу коляску на выход. Времени уже много, детям пора спать, сейчас они мне покажут всю прелесть своего беспокойного поведения. И поделом мне. Меньше буду прохлаждаться где-то в слезке за подружками их отца.

Пока веду машину, паркуюсь, кормлю и укладываю детей, подспудно ожидаю, что Глеб вот-вот позвонит. Если не для того, чтобы накричать за порчу телефона его любовницы, то для того, чтобы выразить крайнее недоумение большим чеком из детского центра, потому что какого я так долго позволила себе заниматься другими делами.

Но он не звонит. Верный признак его вины.

Жаль, не признания, а лишь наличия. Его дурацкий характер не позволит взять и сказать: «погорячился», «был не прав», «перегнул палку», «виноват» и прочее в таком духе. Так и будет сидеть в глухой обороне, видимо, ждать действий от меня.

Интересно, он думает, что я молча уйду? Оставлю ему детей? Или двойняшки ему тоже не нужны?

Скорее не нужны. Он их за год видел рекордное крошечное количество раз. Отец моих детей является для них чужим незнакомым дядей.

И этот дядя ждет, что мы вот так возьмем и бросим насиженное место для новой принцессы? Заботливо перестелем ей постель и уберем за собой осколки стекла, которые до сих не все собраны в спальне? И, конечно, ничего не потребуем взамен!

Ну нет. Не дождется.

Глава 11

Неправду говорят, что утро вечера мудренее. Или я неправильный представитель, к которому не применимы общепринятые принципы.

С затаенной горечью после вчерашнего знакомства с «пассией» Глеба выполняю домашние рутинные дела. Дольше обычного готовлю кашу, с особой тщательностью тру морковь детям, и все лишь для того, чтобы оттянуть неизбежное.

Мой дилетантский способ ухода от проблемы разрушается, когда я подхожу к зеркалу на тумбочке в поиске пирамидки детей. Один взгляд на это серое лицо, и мне хочется снова разбить ни в чем неповинное зеркало.

Зато травма носа сегодня выглядит гораздо лучше. Если бы не глаза, я бы приняла свой привычный «декретный» скучный вид.

– Вот от таких успешные мужья, не слишком-то желавшие детей, и уходят, – шепчу своему отражению в зеркале.

Снова некстати вспоминается вчерашняя красotka, и помимо злости я осознаю, что хочу выглядеть так же, как она.

Стремительно возвращаюсь в детскую. Высыпаю перед двойняшками побольше игрушек, а сама беру ноутбук.

Страдать можно долго, но это ни к чему не приведет. Наш с Глебом брак не спасти, только не после того, что он сделал. И когда он вернется домой, все станет лишь сложнее. Тогда наступит окончательный конец, крах всего, что я так долго строила, постоянно подстраиваясь под его желания и нелегкий характер. И потому нужно успеть подготовить для себя и детей комфортные условия.

Стоит сюда вернуться Глебу, как мне станет тесно и душно. Не хочу оставлять ему дом, но и делить его, будучи здесь, тоже не хочу. Нужно придумать, где нам жить с детьми, и изучить, на что я могу претендовать при разводе. На благородство Глеба рассчитывать не приходится.

И да, развод.

Лишь одна только мысль о нем выбивает весь воздух из моей груди. Придется перечеркнуть столько лет своей жизни. Взять веник с совком и хладнокровно выбросить их в мусор.

Кончики моих пальцев начинают подрагивать, неуверенно нажимая на кнопки ноутбука. Страшно мне и больно от того, что должно произойти. Но это естественный процесс, его нужно просто пережить и как-то становиться сильнее.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю. Легкая медитация и наблюдение за детьми постепенно возвращают мне уверенность и спокойствие. Мои двойняшки – лучшие антидепрессанты, невозможно не улыбнуться, смотря на сосредоточенных карапузов, пытающихся разобрать игрушечную машину по деталям.

«И Глеба я этой возможности лишу, детей мы делить не будем, они только мои», – проносится в моей голове мстительная мысль.

Подозреваю, что хоть двойняшки его не сильно интересуют, когда я подам на развод, его мнение может поменяться лишь бы побольнее досадить мне.

Трясу головой, прогоняя вновь подкрадывающуюся тревогу, нужно заняться делом. Раз я ухожу от Глеба, я должна понимать, какими финансами я могу распоряжаться, чтобы обеспечивать нас троих самым необходимым.

Приложение банка, еще несколько дней назад радовавшее своими цифрами, сегодня вызывает уныние. То, что было хорошо, как неприкосновенный запас для одного, ничто в качестве каждодневных трат для троих.

Я привыкла слишком много тратить на детей и дом, жить на широкую ногу. Но ничего, урежу расходы.

Решительно беру в руки телефон и набираю номер мужа. На удивление, он отвечает практически сразу.

– Алло, Глеб, здравствуй, – произношу излишне высоким голосом, чтобы не сорваться на крики, обвинения, – я хочу знать, когда ты возвращаешься, я так и не получила внятных сведений, кроме обещаний, что когда ты вернешься, наша жизнь изменится.

– Ты там зубки отращиваешь, Оля? Вспомнила, какой была, когда мы только познакомились? – он усмехается в трубку. – Что ж, мне это даже нравится. Жаль, поздно, необратимые изменения уже начались. Я приеду ровно через два месяца.

– Прекрасно, значит, к этому сроку мы покинем дом, нужно будет решить, как мы его поделим. Я подам на развод.

Глава 12

– Прости, что? Я не ослышался? Ты там на опережение решила пойти, что ли? А я еще сначала не поверил матери. Ну ты даешь, Оля, – тянет Глеб, – очень неприятно удивила.

Несмотря на то, что я и сама шла к этому решению, мне дико странно и больно слышать подобное от Глеба. Ведь это я пострадавшая сторона, которая и должна выгонять мужа, а не наоборот! Тогда к чему его удивление?

– При чем здесь твоя мать? И какое опережение? Ты сам собирался заговорить о расставании? Я не ослышалась?

– Нет, не ослышалась, Ольга. Не стоит прикидываться невинной овечкой, у меня вчера на многое открылись глаза, – раздается из трубки жесткий голос Глеба.

– Вот как, очень интересно, – растерянно тяну, прикидывая на, что у него могли открыться глаза, что за бред он несет. – И с чего они у тебя открылись, эти твои глаза? Подсказал кто-то? Рассказал что-то?

Не иначе его блондинка поведала о нашем случайно подстроенном мной знакомстве, как минимум, пожаловалась на странную девушку, испортившую смартфон. И мой дорогой супруг, как настоящий альфа-самец, решил опередить меня. Эта версия вполне логично вяжется с Глебом. Воистину, я бы даже сказала.

И «альфа самец» – это вовсе не комплимент, это клинический диагноз.

Хотя он упомянул мать. Не вяжется тогда.

– Можно и так сказать, – коротко отвечает он.

Да нет, где это видано, чтобы Глеб спокойно решал конфликты? Он должен уже минут пять как кричать и сыпать оскорблениями! Это в нем так своеобразно бурлят муки совести? Или ему настолько все равно на меня?

– Кто официально подаст на развод? Как будем делить имущество и детей? – спрашиваю о насущном, нужно ведь теперь, получается, решить все эти неприятные вопросы. Официально.

Я понимаю, почему я боялась первая заговорить обо всем об этом, откладывала, закрывала глаза на правду и переживала глубоко внутри в обнимку с подушкой. До того момента, как озвучишь все вслух, кажется, что еще не все потеряно, есть надежда на то, что обнаружится какая-то деталь, которая повернет происходящее под другим углом, и в разводе просто отпадет надобность.

Но когда слова уже произнесены, назад дороги нет и не будет.

– С чего ты взяла, что мы будем сейчас официально разводиться? Так быстро хочешь освободить себя? Нет, милая, не пойдет. У меня здесь сделка века решается, в данный момент мне не нужны никакие разводы.

На несколько секунд теряю дар речи. Мы ему с детьми не нужны, но развода пока не будет, ведь ему по работе невыгодно.

– Глеб, а ты не обалдел случайно? Ты меня буквально втоптал в грязь на дне рождения наших общих детей, а теперь считаешь нормальным вытащить, отряхнуть и некоторое время еще попользоваться? Я не узнаю тебя. Где мой Глеб десятилетней давности? Что с тобой сделала твоя работа?

– Ничего она со мной не сделала. Преимущественно именно ты с детьми пользуешься ее благами, так что не надо, – говорит раздраженно мой супруг. – Я вам предлагаю спокойно жить в доме два месяца, я вас по-прежнему буду обеспечивать, не брошу. Просто прошу не пороть горячку. Никаких разводов и никаких откровенностей кому бы то ни было о том, что между нами происходит. Все.

– Даже мамочке твоей не жаловаться, да? – ехидно осведомляюсь. – Ведь она в чем-то там была права! В отличие от меня.

– А мама здесь причем, Оля? – тяжело вздыхает Глеб. – Хочешь спустить на нее всех собак из-за того, что она мне открыла глаза?

– Так как же она тебе их открыла?

По моей версии любовница на меня нажаловалась, а не свекровь.

– В прямом, Оля, в самом прямом. Устал я. Ты не представляешь, насколько я устал. Здесь бедлам, там мама, еще и ты со своими детьми. Даже ругаться не хочу, так я устал.

Что-то внутри меня привычно тянется к Глебу, жаждет дать ему душевную поддержку. Но я быстро пресекаю этот порыв на корню.

– Нет, Глебушка, супруг ты мой дорогой. Ты ни черта не устал. Ты ни разу не вставал ночью к орущему Никите, а когда его с трудом успокаивал, просыпалась Сонечка, и все начиналось по кругу. Ты не переживал их колики и режущиеся зубки, не паниковал при виде первых неуверенных шагов у опоры. Ты всего этого не проходил! Хотя что я тебе говорю, мы с момента моей беременности находимся с тобой на разных островах, которые стремительно отдаляются друг от друга.

– Да, Оля, тут я с тобой согласен. Дети твои, а моя лишь работа, и связывает нас, получается, дом, штамп в паспорте и бюджет.

Глава 13

Последняя фраза Глеба меня словно пыльным мешкомогревает по голове. Это как так, дети мои? Да мы столько всего делали, чтобы наши кровиночки появились на свет, причем делали вместе, а теперь они только мои?!

– Ну ты и козел, Глебушка, – произношу с чувством. – Самый настоящий представитель парнокопытных. Хотя нет, я уверена, что они своих детей не бросают.

– Что за горячка, Оля. Ты прекрасно знаешь, что я имею ввиду. Ох, для чего я вообще продолжаю этот бессмысленный спор?! У меня дел выше крыши, а я тебе сопلي подтираю.

И он отключается раньше, чем я успеваю что-то ответить.

Как я уже и сказала, самый настоящий козел.

Отшвыриваю телефон на диван и обхватываю себя руками. В моем возрасте принято подводить первые итоги, а я могу похвастаться лишь разрушениями.

Мои глаза рассеянно осматривают дом, каждая деталь в нем подбиралась мною, пусть даже и не по моему вкусу. Я столько энергии и сил вложила в обустройство нашего семейного гнездышка, страшно представить. А все было сделано лишь для детей.

Я не теряла надежду на пополнение, верила, что рано или поздно у меня получится забеременеть. И только ради мечты о том, как наш с Глебом малыш будет расти на свежем воздухе на просторе, я и согласилась на этот дом. А так меня целиком и полностью устраивала квартира, рядом с которой было все на свете, и мне не нужно было садиться в машину, чтобы купить хлеб.

И что теперь? Через два месяца я отсюда выезжаю. А мои кровиночки и вовсе вдруг стали лишь моими.

Не сдерживаю всхлип, слезы градом катятся из глаз, выплескивая эмоции наружу.

– Ма! – звонко вскрикивает Никита.

– Ма! – вторит ему Соня.

Дети смотрят на меня озадаченно, не знают, как реагировать на мамину истерику.

– Не нужно, мои хорошие, – подсаживаюсь к ним и притягиваю обоих к себе, – если мама плачет, это не значит, что и вам тоже нужно. Лучше плакать по очереди, тогда всегда будет кому успокоить расстроившегося.

– Да, – коротко хором отвечают двойняшки и вроде бы перестают нервничать.

Успокаиваюсь и я.

Бросаю взгляд на раскрытый ноутбук, я ведь планировала деньги считать и план независимости строить. Но настроение скатилось до рекордной отрицательной отметки, даже не знала, что такое возможно.

Меня словно целиком проглотил огромный питон, попытался переварить и снова выплюнул наружу так и не закончив начатое.

Во всем этом стихийном ворохе эмоций я чувствую, как от меня ускользает какая-то важная мысль. Что-то, за что зацепился мой разум еще при разговоре с Глебом. Какая-то странная несостыковка, прозвучавшая совсем нелогично.

– Конечно, мои дети и мама, открывая глаза! Это связано! – обрадованная произношу вслух. – Что такого она ему наплела, что я из жертвы, превратилась в виновницу?

Сразу приступить к выяснению отношений со всеми родственниками не получается, отвлекают потребности двойняшек. Пока мы со всем справляемся, проходит несколько часов. Вот после такого пусть мне расскажут, как можно работать с двумя маленькими детьми, я их приглашу провести с нами один день, чтобы даже у самых больших скептиков возникли сомнения.

Как бы там ни было, а бытовые привычки придется менять.

Например, перестать фанатеть от глажки абсолютно всего, до чего я могу достать своим утюгом. Знаю, это занятие очень меня успокаивает, позволяет впасть в транс и испытать нечто вроде медитации, но времени это занимает тоже очень много.

И самый главный насущный вопрос – как зарабатывать на жизнь? Выходить на прежнее место работы, а детей сдавать в частные ясли? А жить где?

Кстати об этом.

– Давай же, бери трубку, – слушаю длинные гудки в телефоне.

Но мне не везет. Глеб игнорирует. Впрочем, было бы удивительно, случись по-другому.

– Я была слишком ошарашена, – начинаю наговаривать аудиосообщение, но бросаю на полпути.

Это что за «слишком ошарашена», как будто мы о локальном стихийном бедствии говорим. У нас распад семьи, а не ураган на побережье далекой страны!

– Не смогла сразу достойно ответить, – делаю вторую попытку, но снова практически сразу прерываю ее.

Что снова за бред. «Не смогла достойно ответить», да я и недостойно тоже не смогла, если так подумать. Только начала немного раскачиваться и выпускать наболевшее наружу, как наш разговор с Глебом был окончен.

Ни к чему лирика, с моим мужем нужно сразу и по существу, иначе он перебьет и появится риск запутаться в собственных эмоциях.

– Почему мы с детьми должны оставлять дом? Я вкладывала в его обустройство все свои силы и время! А ты благородно оставляешь нам содержание на два месяца, чтобы потом мы тебя покинули. Нет уж, милый! Не пойдет! – наговариваю и откладываю телефон.

И все равно получилось излишне эмоционально и никакого конкретного предложения я не сформулировала. Ох, и ладно. Все равно его у меня нет. Я тут всего лишь пытаюсь не сойти с ума и не отправиться в неврологический стационар лечить свои нервы.

Ох, это сейчас относительно спокойно жить здесь, а когда Глеб вернется, я едва ли смогу его выгнать, он такой же равноправный владелец, как и я.

И буду я из-за собственного упрямства нервничать каждый день?

Нет, так точно можно не выдержать. Уезжать нам надо с детьми и, желательно, подальше.

У моего мужа сегодня одно на уме, завтра другое. А я здесь, по сути, одна, все родственники, друзья и знакомые либо его, либо наши общие, нет никого лично моего.

– Анна Николаевна, здравствуйте, – делаю еще один неприятный звонок, здесь голосовым сообщением не обойдешься. – Я нашла вашу кофту.

Помнится, наш предыдущий разговор со свекровью закончился не очень, неужели это и послужило поводом для интриги за моей спиной? Как-то слишком мелко.

– Кардиган, Оленька, это кардиган. Настоящий кашемир, отличное качество, еще один такой попробуй найди! – говорит мать Глеба. – И здравствуй, милая, не поздоровалась с тобой.

И снова этот приторный противный тон. Вот честное слово, лучше бы прямо ядом плевалась, чем строила из себя всю такую благожелательную светскую мадам.

– Вот я как раз этот один и нашла, оказалось, не так и сложно, – отвечаю, перенимая ее тон. – Как бы нам встретиться, чтобы вы его забрали?

– Ох, я такая занятая в ближайшее время, а ты с детками, тоже неудобно. Может быть как-нибудь попозже, когда Глебушка вернется, с ним передашь, – седлает привычную лошадь Анна Николаевна.

– Увы, не смогу. Мы с ним расходимся. Как раз хотела у вас спросить, на что такое интересное вы ему открыли глаза буквально вчера?

Глава 14

В трубке повисает молчание. Терпеливо жду ответа свекрови, не тороплю ее.

– Хм, надо же, даже так, да, – говорит в итоге она.

– Да, все именно так, – отвечаю ей в схожем тоне.

Удивительно, как простые бессодержательные конструкции могут нести в себе столько смысла. Не каждое развернутое предложение способно передать так же много, как и этот примитивный обмен короткими фразами.

– Тогда нам, наверное, действительно надо встретиться, раз Глебушка втянул меня в ваши отношения. Скажу тебе откровенно, я этого не хотела, сопротивлялась всеми силами! Но он мой единственный сын, сама понимаешь.

Нет, я совершенно не понимаю. Эта поразительная женщина, моя свекровь, умудряется обелять себя даже в том, где она совершенно точно прямо или косвенно виновата. Мне бы такую сверхспособность.

– Завтра приедете к нам? – предлагаю, дабы поскорее закончить пустое словоблудие.

На фразе «к нам» меня немного корбит. Какое уж к нам, нужно отвыкать от нашего, теперь все отдельно.

– Нет, Оленька, завтра я не могу, уезжаю. Дела у меня все-таки есть, даже если ты всегда считала иначе. Я вернусь к началу следующей недели, тогда и приеду к вам. Пока проведи это время с пользой, – приторным голосом заканчивает Анна Николаевна и отключается.

В недоумении несколько секунд смотрю на телефон, и эту женщину я считала второй матерью? Искренне верила, что все ее замечания были обусловлены исключительно заботой. И не обижалась ведь почти никогда!

А на деле я десять лет ходила в нелюбимых невестках. И как можно было быть такой слепой и глухой? Почему завуалированные оскорбления я принимала за ворчание?

И это ее «проведи время с пользой», к чему? Рассчитывает, что Глеб выгонит меня голой на улицу? Так а ей какая с этого польза?

Ладно, свекровь. Что стало со мной и Глебом, куда делась любовь? И даже если спокойно принять тот факт, что чувства постепенно остывают, и это нормально, но где тогда наше с ним взаимопонимание? Ведь мы когда-то были друг для друга не только супругами, но и лучшими, самыми близкими друзьями!

Но все это было лишь до того, как я загорелась желанием забеременеть. Тут-то наша дружба со взаимопониманием и начала расходиться по разным дорожкам.

А теперь я сижу в интернете и строчу свою проблему в специальном окошечке на сайте бесплатных юридических консультаций и понятия не имею, что мне делать дальше.

А, может, гордо уйти, оскорбившись «щедрым» предложением Глеба пожить на полном пансионе?

Но у меня двое маленьких детей, я несу за них ответственность, раз отцу они не нужны. Я должна подготовить почву, а не исчезать в никуда.

К черту.

Где там сайт с квартирами, сниму что-нибудь нам с детьми, тошно от серого цвета, так любимого Глебом. Найму рабочих, чтобы помогли с вещами и мебелью. Кроватки, манеж, стулья для кормления – это действительно объемно и сложно. И квартира нам понадобится большая.

Плевать.

Глеб ведь пообещал пансион, вот его деньги и потрачу с пользой для себя.

И нужно бороться за справедливый раздел имущества.

И все равно, что сложно, страшно и для здоровья травмирующе. Развод и без раздела имущества ранит психику и душу, нередко порой отнимая здоровье.

Онлайн консультация на юридическом сайте не дает мне ровным счетом ничего, кроме раздражения и потраченного времени. Слов мне написали много, а по существу ни одного. Умеют же юристы мастерски лить воду, а все лишь для того, чтобы я впечатлилась и пришла на очную уже, естественно, платную консультацию.

– Да ну вас, – бормочу себе под нос и отставляю от себя ноутбук.

Нужно снова заниматься детьми. А потом опять нырять в интернет, но в этот раз на поиски квартиры.

Никита и Соня словно чувствуют, что происходит что-то из ряда вон, слушаются меня, дружно играют, не делят игрушки, в общем, ведут себя образцово.

И с квартирой мне как будто тоже везет. Договариваюсь о встрече по нескольким вариантам на завтра и уже собираюсь счастливая выключать ноутбук, как в социальной сети замечаю иконку непрочитанного сообщения.

– А ты-то с чего вдруг обо мне вспомнил?!

Глава 15

Удивленно восклицаю, рассматривая иконку одноклассника.

Мы с Егором не виделись, наверное, лет восемь–десять. Будучи в браке, частые контакты с подругами сходят на нет, а уж с парнями–друзьями тем более.

Открываю из любопытства, а там банальное, в общем–то ничем не примечательное сообщение из разряда «как дела».

Хм, столько не писал, мог бы еще столько же не писать. Исключительно по инерции нажимаю на имя одноклассника и попадаю на его личную страницу.

– Да ты юрист! – восклицаю. – Что ж ты сразу не сказал.

Возвращаюсь в контакт и отвечаю–таки, как у меня дела без душещипательных подробностей, а в конце ненавязчиво уточняю, действительно ли он юрист.

Смотрю на время, качаю головой и ложусь спать. Просмотр квартиры назначен на утро, и до этого нужно еще успеть завести детей в детский центр, в прошлый раз их поход туда прошел неплохо.

Ложусь на кровать и с удивлением осознаю, что у меня впервые за последнее время приподнятое настроение. Нужно было всего лишь начинать что–то делать, а не киснуть в собственном болоте. И о деталях не думать, лишь придерживаться установки, что все будет хорошо.

С этим настроением засыпаю.

Утром желание уехать никуда не девается, и я пытаюсь дозвониться до Глеба. Я собралась тратить семейные деньги на поиск и обустройство нового жилья, вот и пусть раскошелится.

Ловлю себя на мысли, что эта ситуация с моим звонком мужу ради пополнения карточки практически ничем не отличается от нашего с ним рядового общения в последние два года. Лишь обстоятельства грустнее.

Получается, мы с Глебом давно растеряли любовь и романтику?

Вспоминаю его приезды за это время, они с каждым разом становились все реже и короче. И постоянно мы были на разных волнах.

Мне было важно выложить ворох новостей сначала про беременность, а после про детей, а Глебу коротко поделиться работой и восполнить нехватку нашего с ним близкого общения. А какое может быть активное близкое общение, когда у меня было несколько сохранений? Или когда двойняшки только родились?

Н–да. Наш брак не выдержал испытания пополнением. Или все начало рушиться раньше?

Что ж, мы не одни такие. Я как–то читала в одной статье, примерный процент распада семей после рождения первого ребенка составляет сорок процентов, а после второго аж шестьдесят.

У нас их два сразу. И мы с Глебом расклеились, давно не являемся половинками единого целого, каждый сам по себе. Есть я и дети, и Глеб с непонятно кем.

Вот это–то и самое обидное!

Предательство в такой период.

К сожалению или к счастью, но мне не удастся дозвониться до Глеба. Он больше не берет трубку, либо звонки сбрасываются.

Зато на мою карточку приходит внушительная сумма денег с пометкой «на расходы».

Очень мило, он решил откупиться от моих претензий на дом этой мелочью? Или он не слушал мои претензии.

Захожу в приложение, мое аудиосообщение на месте и даже прослушано.

Не успеваю придумать новую версию, как мне приходит короткое сообщение: «Не пори горячку. С домом решим потом. Пока никакого развода».

Хм, это вполне в духе Глеба. Вот только я не понимаю, у него раздвоение личности? Потусторонняя хтоническая тварь в него вселилась? То мы разводимся, то мы не разводимся, то, возможно, разводимся, но позже. Надоело!

Быстро заканчиваю сборы и толком не причесанная и ненакрашенная сажаю детей в машину. И полная энтузиазма жму на педаль газа.

Первые две квартиры оказываются абсолютно неподходящими. Слишком много людей научилось пользоваться программами, улучшающими фотографии, игнорируя потребности в мелком ремонте и уборке в целом. Еще одна квартира является сама по себе неплохой, но без лифта. А вот четвертая как будто идеальна.

– Давайте заключать договор, я оставлю залог, – произношу решительно.

Глава 16

Довольная, расстаюсь с небольшой суммой, чтобы уже через две недели начать новую жизнь. В голове расставляю детское добро, а потом спотыкаюсь.

Мысленно, не физически.

Что я буду делать дальше? Когда эйфория от наведения нового быта спадет. Когда я наконец устану и замечу, что в своем доме по многим причинам было гораздо комфортнее.

Может, к черту переезд и попытаться стробовать весь дом с Глеба? Это ведь возможно.

Пока не попробую, не узнаю. Как и возврат в город. Про него можно сказать тоже самое.

Плюсы в новом районе есть, и большие. Да хотя бы одно то обстоятельство, что дети записаны в очередь на сад неподалеку! И пешая доступность всего необходимого для жизни.

Пытаюсь структурировать кашу в голове, но выходит откровенно плохо. Чувствую себя не взрослой женщиной, а запутавшимся неразумным созданием, отчаянно цепляющимся за вроде бы логичные жизненные аспекты, но на выходе получающим очередную ерунду. И это я еще о работе не вспоминала, ох.

Надо бы написать на место моего официального трудоустройства, но очень не хочется. Я до отвратного не жажду возвращаться на прежнее место.

График там бешенный, коллектив своеобразный. Только фальшивых сочувствующих взглядов мне не хватает для полного счастья.

Они ведь все там считают, как мне повезло: дом полная чаша, любящий зарабатывающий муж и двое милых деток. А тут я со своими проблемами приду к ним. Никто не поверит, что в моих «прекрасных условиях жизни я вдруг решила идти на работу раньше времени, оставляя долгожданных выстрадавших крошек на чужой присмотр.

Я так долго следовала привычной колее, предпочитая закрывать глаза на проблемы, что сейчас как-то очень трудно.

Горло сковывает спазм из-за вновь подступивших слез. Так и начинаются проблемы с нервами, сначала ты вся такая на эйфории, а уже спустя час не можешь спокойно дышать от боли и растерянности.

Трясу головой, пытаюсь вернуться в искусственно собранное состояние, но случайно спотыкаюсь, теперь уже физически, и едва не падаю носом в лужу.

Помощь приходит из ниоткуда. Никого вроде бы только что не было рядом, а в следующее мгновение кто-то уже ловит меня, ставит на ноги и для надежности придерживает за руку, не отпускает.

– Осторожнее, куда вы так спешите, – произносит этот кто-то смутно знакомым бархатистым голосом.

Оборачиваюсь в удивлении.

– Егор? Какая неожиданная встреча.

– Оленька, здравствуй, – губы одноклассника расплзаются в улыбке. – Действительно, очень неожиданная. Но приятная!

Рассматриваю Егора, он возмужал, раздался в плечах, от прежней худобы нет и намека. Ему идет, смотрится солидно. И это дорогое пальто с виднеющейся в вырезе рубашкой, при одном взгляде на одноклассника можно с уверенностью заявить, что дела у человека идут хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.